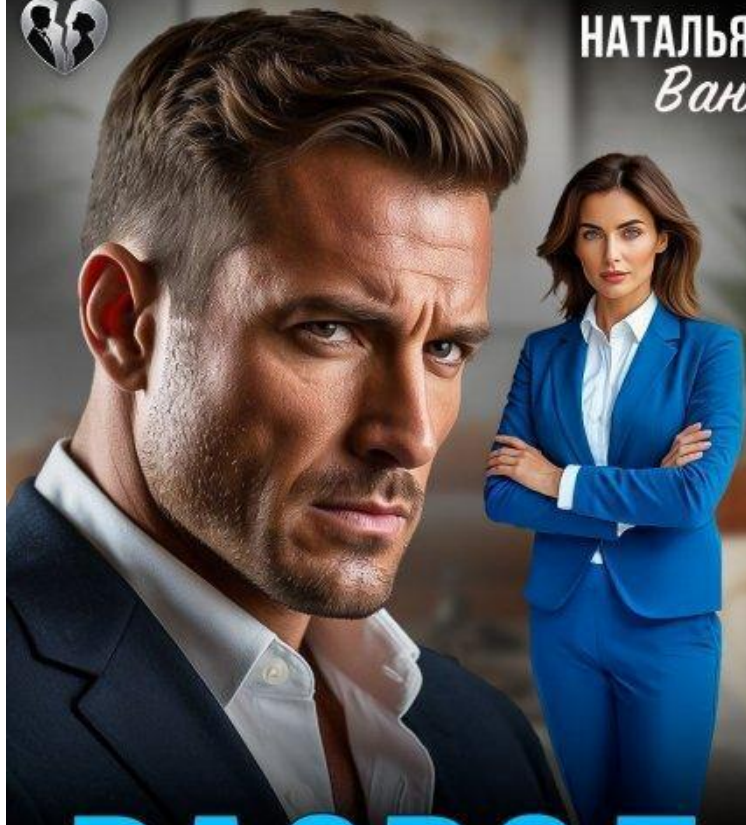

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

Ты сделай свой выбор

Наталья Ван

Развод. Ты сделал свой выбор

<https://litres.ru/74207312>

Аннотация

— Диагноз подтвердился. У нашего сына обычная аллергия. Я знаю этот голос. Максим. Мой муж и сейчас он говорит не со мной, а с сестрой моей лучшей подруги. — Что значит... у НАШЕГО сына? — переспрашиваю, привлекая его внимание.

Пятнадцать лет брака. Двое детей. А у него вторая семья и маленький ребенок. И я узнаю об этом вот так. Случайно. В коридоре клиники. Когда уже слишком поздно.

В тексте есть: #Сильная героиня #Бессовестный муж #Хладнокровная измена #ХЭ, но не для всех Книга участвует в литмобе "Дальше без тебя":

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Визуал Максима	17
Визуал Кристины	18
Глава 3	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	58
Глава 14	64
Глава 15	69
Глава 16	74
Глава 17	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1

Кристина

Я не спала всю ночь. Опять.

Тридцать девять и два. Цифры на экране градусника кажутся мне сейчас единственной реальностью в этом размытом мире бессонных ночей. Я сижу на краю детской кровати, и мои пальцы автоматически поглаживают горячий лоб дочери. Кира ворочается во сне, её дыхание прерывистое, губы сухие и потрескавшиеся.

— Мама..., — её голосок, обычно такой звонкий, сейчас хриплый и слабый.

— Я здесь, солнышко, — шепчу я, поправляя одеяло. Мои веки тяжелые, словно налитые свинцом.

Нашей малышке всего три года, а она уже знает на вкус все детские сиропы от жара.

А утром, как по заказу, сыпь на теле у Сашки. Красная, зудящая. Она полезла по шее, спине, животу.

— Максим, — толкаю мужа в бок, пока он бреется. — Сашку в клинику нужно. У него опять сыпь. Скорее всего, аллергия. Надо понять, на что в этот раз.

Он даже не поворачивается, продолжая бритье.

— Не могу, — бритва скользит по щеке. — Совещание с московскими в десять.

— Тогда посиди с Кирой. Хотя бы до обеда.

— Кристин, — он поворачивается, и в его глазах я вижу ту самую холодную раздражительность, которая за последний год стала привычнее, чем его прикосновения. — Ты слышала слово “дедлайн”? Хотя о чем это я? Ты же у нас дома сидишь.

Удар. Тихий, точный, в самое больное место. Я не отвечаю. Просто разворачиваюсь и иду собирать вещи. Звоню маме, отменяю все запланированные онлайн занятия с учениками, кормлю Киру и еду с сыном в больницу.

И вот я сижу в регистратуре с Сашкой. Под глазами — мешки. В голове — вата. Ноги будто налитые свинцом, и всё, чего я хочу, — это провалиться куда-нибудь, где тихо, темно и никто не дёргает за рукав.

Но я здесь.

В этой клинике, где мы с Сашкой наблюдаемся с рождения. Все осмотры, все прививки, все выписки — всё отсюда. Ему уже тринадцать. Тринадцать лет мы приходим в этот холл, узнаём одних и тех же медсестёр, пьём один и тот же чай из автомата.

Сашка утыкается в телефон, капюшон натянут на глаза. Я сижу, сжимая справки, и думаю, как бы не уснуть прямо здесь в ожидании заключения врача и рецепта. Всё остальное — потом.

— Мам, чё там долго ещё?

Он бурчит из-под капюшона, не отрываясь от телефона. Голос раздражённый. Подростковый. Как всегда.

— Почти, Саш. Потерпи.

Я не злюсь. Уже не могу злиться. В голове пульсирует от усталости, пальцы мёрзнут, спина просит лечь и больше не вставать. Вот вернемся домой, уложу Киру спать и лягу вместе с ней. Хотя бы на пару часов, просто чтобы перевести дыхание.

— Кристина Олеговна? — зовёт администратор.

Я поднимаюсь.

— Всё. Сейчас поедem.

— Ок, — кивает Саша, не отрываясь от экрана.

Забираю заключение. Гляжу на список лекарств, потом на анализы. Всё как всегда.

— Саш, пошли, — оглядываюсь, но его нет.

— Спасибо, — говорю девушке и выглядываю за угол.

Он стоит чуть поодаль, как вкопанный. Смотрит вперёд, не двигается. И я понимаю, на кого он смотрит.

Лера.

Я останавливаюсь. Сердце падает куда-то в живот. Это не та Лера, что звонко смеялась на моей свадьбе, будучи подростком. Другая. С потухшими глазами и слишком дорогой сумкой через плечо. А рядом с ней ребенок. Маленький мальчик с ее глазами.

— Лера?! — вырывается у меня слишком громко. Как же давно я ее не видела.

Она вздрагивает, как пойманная воровка. Мальчик прижимается к ней, пряча лицо.

— Крис... Кристина? — её голос срывается на шепот.

— Боже, — я улыбаюсь, хотя что-то внутри уже сжимается в комок. — Катя с ума сходила! Где ты пропадала?! — я подхожу, всё ещё не веря собственным глазам. — Твоя сестра чуть с ума не сошла! Говорит, ты будто не своя. Она звонила тебе, а ты только “всё нормально” и пропадаешь. Мы уже думали, что у тебя что-то серьёзное случилось. А ты вон... красивая, да ещё и с ребёнком. Катя-то хоть в курсе, что стала тётей?

— Да-да, — отвечает она как-то неуверенно и отводит взгляд. — Я... я говорила ей. — Лера, — я улыбаюсь, хотя внутри все напрягается от странного предчувствия. — У тебя точно всё в порядке?

— Да. Кристина, я правда лучше пойду, — улыбается она. — Только не говори Кате, ладно? Не хочу, чтобы она волновалась...

— Подожди, — останавливаю ее, хватаясь за рукав. — Как ты? Тебе точно не нужна помощь?

Я смотрю на её сына. Мальчик снова прячется, уткнувшись ей в бедро, и в нем я замечаю что-то знакомое. Едва уловимое, но от этого внутри все холодеет.

— Сколько ему?

— Два года и... три месяца, — тихо выдает она словно боясь говорить эту цифру вслух.

— Твой сын?

— Да. Кристина, прости... я все же пойду, — настаивает она, чем вызывает еще больше подозрений, но я отгоняю их

как можно дальше.

Она делает шаг, и в этот момент за её спиной открывается дверь. Медленно. Беззвучно.

— Лерунь....

Я узнаю этот голос ещё до того, как он заканчивает фразу.

— Диагноз подтвердился. У нашего сына...

Максим. Мой муж. Он читает медицинскую карту, не поднимая головы. Рядом с ним стоит медсестра. Она на автомате кивает и продолжает говорить.

Он всё же отрывает взгляд от карты. Видит меня. Секунда, и я вижу, как его лицо меняется.

Мир замедляется.

Я вижу, как его пальцы сжимают карту. Как медсестра за спиной что-то говорит. Как Сашка резко поворачивается, и его капюшон спадает.

— Папа? — голос сына ломается.

Максим не двигается. Лера прижимает ребенка так сильно, что он хнычет.

— Лера. Максим, — шепчу я. — Это... что все это... значит?

Лера сжимает губы. Опускает голову вниз. Родная сестра моей лучшей подруги, которая всегда общалась со мной на равных. Сейчас стоит напротив меня. Мнется, переступая с ноги на ногу, и молчит.

Сашка вдруг резко смеется — горько, по-взрослому:

— Ну что, пап? Тебя можно поздравить? — ядовито гово-

рит Саша, и я не узнаю его голос. — Как ты там мне постоянно говорил? “На тебя никакой надежды”. Я так понимаю, ты решил исправить ситуацию и второго сына заделать?

Максим бледнеет.

— Александр!

— Что Александр?

Максим молчит. Сжимает губы в тонкую линию. Так, как он делает всегда, когда что-то идет не по его плану.

Я стою, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Стены начинают вращаться перед глазами.

— Кристина..., — Максим выдыхает и делает шаг ко мне.

— Что ты здесь делаешь?

Полностью игнорирую его вопрос. Поднимаю голову вверх. Смотрю в его глаза, в которых читается: “ну вот опять она за свое” и спрашиваю:

— Что..., — мой голос предательски дрожит. — Что значит... у нашего сына?

Он открывает рот, будто хочет сказать, что это не то, что я думаю. Но уже поздно. Всё уже сказано.

— Поговорим дома, — холодно бросает он. — Лера! Лера, стойте! — выкрикивает он и срывается с места, словно ничего не произошло. За ней. Не за нами. Не спросив, как Саша. Он бежит за ней.

Мои дорогие!
Моя книга очень нуждается в вашей поддержке.
Я буду очень благодарна, если вы напише-

те даже самый короткий комментарий или поставите книге звездочку. А если еще и добавите книгу в библиотеку и подпишетесь на автора, то я буду на седьмом небе от счастья.

Глава 2

Кристина

Я почти не чувствую тела. Руки двигаются автоматически, ноги прирастают к коврику машины, пальцы с силой сжимаются на руле, но внутри будто не я. Всё происходит на каких-то рефлексх. Мозг гудит, сердце давит, будто его сжимает кто-то изнутри. Дышу рвано и воздух рвёт горло.

Сашка рядом. Молчит. Его дыхание — короткое, резкое. Как после пробежки, но это не усталость. Это злость. Он сдерживается изо всех сил, но напряжение видно даже в том, как он держит плечи. Их словно придавило тяжелым грузом.

В клинике он держался, как взрослый. Спокойный, собранный, упрямо-угрюмый. Не проронил ни слова, пока я приходила в себя, но я видела, как в нём что-то вспыхнуло и застыло. Сейчас он смотрит в окно. Брови сдвинуты, губы плотно сжаты. Краем глаза замечаю, как он сжимает кулаки. Костяшки белеют.

Он всё понимает. Он видел. Он слышал.

Максим. Его голос. Выражение лица, когда он увидел нас с Сашкой рядом с Лерой. “Диагноз подтвердился. У нашего сына...”

Эти слова будто гвоздями вбиты в голову. Они повторяются. Звонят.

Сколько раз он говорил, что уезжает в командировку?

Сколько раз задерживался, отключал телефон, придумывал оправдания?

Я верила. Или делала вид, что верила. Потому что иначе пришлось бы признать, что мой брак трещит по швам. Что человек, с которым я живу, мне врёт. Смотрит в глаза и врёт без угрызений совести. Иногда ведь что-то скребло внутри. Тревожно щелкало. Я чувствовала. Но гнала эти мысли прочь, отмахивалась. Потому что страшно. Потому что дети. Потому что не хотела разрушать дом, который строила столько лет. Или просто не хотела верить в то, что со мной может случиться нечто подобное.

А теперь поздно.

Сашка поворачивает голову. Смотрит на меня внимательно. Практически в упор.

— Мам, ты в порядке?

Я отвечаю честно. Не в силах притворяться, потому что все уже написано на моем лице:

— Нет, но я справлюсь. Ты со мной? — поворачиваюсь в его сторону. Он смотрит на меня глазами, полными боли. Мой сын. Тринадцать лет. У него и так сложный период в жизни. Подростковый возраст, гормоны, девочки на уме, а тут отец и такое...

Он кивает. Резко. Почти зло, но я вижу, как в его взгляде что-то ломается. Он в таком же шоке, как и я.

— Конечно.

Он тянется ко мне и обнимает. Не на секунду, не скольз-

ко. По-настоящему. Сильно. Я, сжав губы, прижимаюсь к его плечу. Не плачу. Просто дышу.

Он мой. Мой сын. Единственный, кто сейчас рядом и готов меня поддержать.

Мы подъезжаем к дому. Серый фасад кажется особенно холодным. Как бетонный тупик. Я торможу. Смотрю на Сашу.

— Не вздумай пока сказать бабушке.

— Мам, ты серьёзно? — он поворачивается ко мне. Взгляд острый, как нож. — Я готов всё разнести к чертовой матери. Эту его... Леру. Всю эту ложь. Ты вообще понимаешь, что он натворил? Это не мимолетная интрижка. У них растет сын. И ему нихрена не два месяца.

— Понимаю. Не совсем ясно, но понимаю, — говорю, а у самой в голове не укладывается, как такое могло произойти. — Но у бабушки сердце. Ей нельзя. Мы сначала сами разберёмся. Внутри семьи, — хотя в душе мне хочется все крушить. Как и ему. Хочется дать волю эмоциям. Показать, что я рассыпаюсь на части от одной только мысли, что все, чем я жила, оказалось ложью.

Он долго молчит. Сжимает зубы. Я вижу, как ходят скулы. Это в нем бурлит горячий, кипящий гнев, но он сдерживает его ради меня. Ради бабушки. Ради Киры.

— Хорошо. Но он не имеет права... Он... как..., — замолкает он так и не договорив.

— Я знаю, — останавливаю его, понимая, что сейчас не

могу мыслить нормально. Все в голове смешалось. — Давай пока отложим этот разговор. Я еще...

— Я понял, мам, — тише говорит он, и его рука ложится поверх моей.

Я выхожу первой, ловлю глоток прохладного воздуха. Он кажется острее обычного. Холодней. На фоне внутреннего жара — почти ледяной. Саша идёт рядом. Молча. Мы поднимаемся по лестнице. Я достаю ключи, поворачиваю замок. И стоит двери открыться, как меня сбивает с ног мой маленький ураган.

Кира.

— Мамочка! У меня уже всё прошло! Голова больше не болит, честно-честно! Мы с бабушкой чай пили, я играла, мишку лечила! — тараторит она, потом поворачивается к брату. Сводит брови к переносице. — А почему Саша такой злой?

Она тянет меня за руку, обнимает, прилипает щекой к животу. Я рефлекторно улыбаюсь. На автомате. Внутри — пустота, боль, злость. Но она — моя девочка. Моя радость. Ради неё я должна держаться.

— Просто устали. Сейчас разденемся, и я всё расскажу. Потом почитаем твою любимую книжку. Про енота и выпьем лекарство.

— Ура! — она прыгает, хлопает в ладоши и убегает в комнату. — Бабушка! Мама вернулась!

Я вешаю куртку, снимаю обувь, смотрю на Сашу. Он на-

пряжён, как струна.

— Спасибо, — говорю тихо. — Что рядом.

Он только кивает, а затем уходит в свою комнату и закрывает дверь. И я его понимаю. Ему так же, как и мне, требуется время, чтобы принять новую реальность. Только он может показывать свои эмоции, а я нет.

Я прохожу в гостиную. Мама сидит в кресле, укрытая пледом, и листает журнал. Потом поднимает голову, смотрит на меня с теплотой.

— Как клиника? Уточнили что-то?

— Да, подтвердили, что у Саши сильная пищевая аллергия. Я распечатаю результаты и покажу потом тебе. Надо будет ещё к гастроэнтерологу, но в целом понятно. Как Кира?

— Как егоза. Такое ощущение, что совсем не болеет, но глаза все равно видно, что больные.

— Хотя бы температуры нет, а это уже хорошо.

Я слышу, как ровно звучит мой голос. Словно я читаю чужой текст. Она кивает.

— Я рада, что с Сашкой разобрались. Ему ведь плохо было. Наконец-то точка поставлена.

— Да. Осталось пропить лекарства, еще пара обследований и все.

Я сажусь рядом. Не прижимаюсь, хотя мне это сейчас было бы необходимо. Просто дышу рядом. Она гладит мою руку.

— Ты у меня сильная. Всё будет хорошо.

Я молчу. Не могу ни кивнуть, ни возразить. Просто молчу, потому что если скажу хоть слово, то сорвусь. Заплачу. Дам волю эмоциям, чем напугаю не только Киру, но и маму.

Кира прибегает, сжимая в руках книжку.

— Мам, читаем?

Я вытягиваю руки. Обнимаю её, сажаю на колени.

— Конечно. Давай вместе.

Мы читаем. Она хохочет в нужных местах, переживает, когда енот теряется в лесу, и аплодирует, когда мама находит его.

Я читаю, как робот. Слова звучат сами по себе. Я будто не здесь. Но держу её крепко. Обнимаю. Глажу волосы. Вдыхаю её запах — тёплый, сладкий, родной. Вот ради чего я должна встать. Ради кого нельзя рухнуть. Мои дети. Они здесь, и я не позволю Максиму меня сломать.

Визуал Максима

Максим. Высокомерный муж, с которым точно не будет просто. Он еще не раз покажет себя во всей "красе":

Визуал Кристины

Кристина. Узнала о предательстве мужа, но не позволит себе раскисать. Потому что у нее есть те, ради кого стоит держаться.

Глава 3

Кристина

— Мамочка, я уже спать не хочу, — Кира зевает, тянет руки к потолку, потом обнимает мишку. Щёчки розовые, волосы пушатся. Я укладываю её, поправляю одеяло, целую в лоб. — Давай, я вместе с тобой буду папу ждать.

Ее слова режут по больному. В груди все сжимается. Папа. Она даже не подозревает, что все это время, пока она росла, у ее отца была другая жизнь. Другая семья. Другой ребенок.

— Даже если не хочешь, все равно закрой глаза. Просто отдохни. Ты же больше не хочешь болеть?

— Не хочу.

— Значит, надо поспать, — она послушно закрывает глаза.

— Мам, а завтра... когда папа придет... мы поиграем в больницу?

А придет ли наш папа домой? И хочу ли я его вообще видеть после того, что узнала?

— Конечно. Ты будешь врачом, а я пациентом. Или наоборот.

— А папа? — бормочет она сквозь зевок и ее глаза закрываются.

Молчу. Не знаю, что ей сказать. Не знаю, как объяснить, что все уже не будет так, как раньше.

Она засыпает быстро. Её дыхание становится ровным, глубоким. Мишка уткнулся ей в шею, ресницы дрожат, но не открываются. Смотрю на неё долго. Маленькая. Моя. Такая беззащитная, такая счастливая.

И она даже не догадывается, что наш крохотный мир рухнул.

В другой комнате мама собирается уходить. Я слышу, как шаркают её тапочки, как тихо звякает застёжка на сумке. Оставляю Киру и выхожу к ней.

— Мам, спасибо, что помогла. Доедешь сама?

— Конечно, дочка. Электричка через двадцать минут, Саша сказал, что проводит меня.

Саша действительно уже стоит в коридоре. Куртка накинута, капюшон торчит. Я ловлю его взгляд. Он не хочет уходить, но понимает, что бабушке одной нельзя.

Я киваю.

— Будешь дома, позвони.

Саша подходит ближе ко мне. Наклоняется и осторожно, чтобы не услышала мама, шепчет:

— Мам... ты держишься?

— Держусь. Не переживай. Обними бабушку. Она в этом нуждается больше, чем я.

Он кивает, помогает ей одеться. Я провожаю их до двери, смотрю, как они уходят вниз по лестнице, а я остаюсь одна. В полном одиночестве и гнетущей тишине.

Уже десятый час, а Максима все нет.

Ни звонка. Ни сообщений. Ни привычного “я задержусь”, ни “не жди”, которые сейчас обрели совершенно иной смысл. Теперь-то я понимаю, где на самом деле он задерживался и почему всегда опаздывал к ужину.

Смотрю на телефон. Бесполезно. Ни вибрации, ни звука. Пустота.

Он с ней? С Лерой? С их ребенком?

Когда наши дети болеют, он проводит время с ней. Он выбирает между двух семей. И этот выбор не в нашу пользу.

В груди что-то переворачивается. Сердце сжимается, как в стальных тисках. Я даже физически чувствую эту боль. Все внутри рвёт. Больно, мерзко, липко.

Каждую минуту без объяснений, без правды, словно новый гвоздь в самое сердце.

Сажусь на кухне. Шторы открыты и медленно качаются от ветра.

Прохладный воздух не освежает. Он щиплет кожу, напоминает, что я всё ещё здесь. Что мне ничего не приснилось.

Я подогреваю себе молоко. Медленно, стараясь не расплескать, наливаю в стакан. Сажу. Держу его двумя руками. Грею пальцы о стекло. Смотрю на телефон. Он как камень.

Я должна узнать правду, а в этом мне может помочь лишь один человек.

И тогда я набираю номер.

Катя. Моя лучшая подруга. Слишком близкая, чтобы молчать. Слишком родная, чтобы безжалостно предать меня

или... она тоже предала меня?

Глава 5

Кристина

Я слушаю гудки. Один. Второй. Третий.

— Привет, — голос Кати сонный, но теплый. — Ты чего, не спишь?

— Не могу уснуть. Прости, что поздно.

— Всё нормально. Что-то случилось?

Я молчу несколько секунд. Стараюсь подобрать слова. Придумать, с чего начать. А потом просто спрашиваю:

— Ты знала? — спрашиваю тихо, с лёгкой ноткой тревоги.

— Что? — Катя напрягается, на мгновение ее голос срыгается. В нем не звучат привычные нотки. — О чём? — я слышу, как она шаркает ногами по полу. Потом как щелкает чайник на ее кухне.

— Лера родила, — говорю спокойно, стараясь не выдавать внутреннего напряжения. — Ты знала?

— Конечно, знала. Она сказала всем практически сразу после родов. А что такое?

— Ты знаешь ее мужа? — продолжаю, чуть медленнее, чтобы не дать понять, что я уже всё поняла.

— Насколько мне известно, она не замужем, — ну вот. Опять эта натянутая интонация. — Гражданский брак вроде. Ты ее видела? Откуда такие вопросы посреди ночи?

— Кать, ты правда не знаешь, от кого она родила? — не

унимаюсь, продолжая допытываться до правды, но в груди уже все пылает. Я догадываюсь о том, что она знала. По этому тремору в ее голосе, по заминкам в ответах.

— Нет. Она как тогда укатила от нас, так мы особо и не общались. Да я и не уточняла, от кого. Я вообще сначала думала, что случайный какой-то. Она увиливала. Я у неё спрашивала, но она всё в шутку переводила. Я и не лезла больше, — Катя вздыхает, её голос становится чуть тише.

Ложь. Она ее сестра и не могла не знать абсолютно ничего. Как минимум, Лера рассказала бы ей правду, когда узнала о беременности. Они раньше всегда были близки. Она не стала бы скрывать это от Кати.

— А что такое, Крис? Мама вроде говорила, что там не первый прохожий. Вроде как он помогает ей с ребенком. Не знаю насчет чувств и прочего, но мама когда звонит ей, то часто слышит мужской голос на фоне. Так что думаю, он не редкий гость и принимает активное участие в воспитании ребенка, — слишком активное. Настолько, что ему наплевать на наших детей. — Крис, мне совсем не нравятся твои вопросы. Все это довольно странно и...

Я слушаю и чувствую, как внутри всё накаляется. В её ответах слышится тень уклонения, тень скрытой правды. Она правда думает, что я ничего не пойму?

— Когда ты ее видела в последний раз? — перебиваю ее, чувствуя, как сердце все больше разрывается от ее слов.

— Недавно. На дне рождения у мамы. Она приехала,

быстро поздравила и тут же уехала. Я даже с ней поговорить толком не успела. Она приезжала одна, без ребенка, если что. Мы с ней не особенно близко в последние три года, ты же знаешь. А что такое? Кристин, ты меня пугаешь.

Я вдыхаю. Беру стакан в руки и молоко чуть расплескивается. Капля падает на стол, растекаясь бесформенным пятном.

— Кать...

Пауза. На мгновение мне кажется, что она уснула, но она отвечает.

— Да?

— Твоя сестра родила от моего мужа.

На том конце — тишина. Долгая. Глубокая. Катя будто окаменела.

Потом еле слышно:

— Что ты сейчас сказала?

— Ты всё правильно услышала. Я сегодня была в клинике. Мы пришли по поводу Сашки. У него опять аллергия. Она была с ребёнком. С его ребёнком. Врач говорил с ними, как с парой. Максим сказал: “У нашего сына подтвердился диагноз”. У их сына, Кать. У меня только появилась Кира, а в тот момент они уже..., — голос срывается, не позволяя мне закончить фразу.

Катя не отвечает. Я только слышу её дыхание. Частое, прерывистое, будто она пробежала марафон.

— Я... не знала, — выдыхает она наконец. — Кристин,

клянусь тебе. Я не знала. Боже! Я... Кристина... я...я не знаю, что сказать.

Не верю. Ни единому слову ее не верю, но вместо этого отвечаю:

— Верю.

— Господи... Он... Они... Ты уверена?

— Я видела всё собственными глазами. Этого нельзя было не заметить. Они не пытались даже прятаться. Он был с ней. Лера сбежала, а он.... Он рванул за ней. Как будто я не стояла там. Как будто мы не прожили вместе пятнадцать лет. Как будто у нас нет детей. Он выбрал ее, понимаешь?

Я сжимаю стакан трясущимися руками, но не пью. Только держу, наблюдая за тем, как молоко в нем колышется от тремора рук.

Катя молчит. Потом глухо говорит:

— Я просто... Кристин, я не знала, правда. Мы с ней уже давно не близки. Мы разные. Она всегда была... ну, ты понимаешь. Я даже на тот день рождения пошла, потому что мама умоляла. Она избегала меня, шутила странно. Но чтоб такое...

— Максим мне ничего не объяснил. Не пришёл. До сих пор. Скоро десять, а его нет.

— Ты дома одна?

— С Кирой. Саша пошел проводить маму.

— Я приеду.

— Не надо. Правда. Просто... мне нужно было сказать.

Спросить. Убедиться, что ты не знаешь и не скрывала этого от меня.

Как же больно слышать ложь. Опять. От самого близкого человека.

— Я бы не смогла о таком смолчать, Крис.

Но смолчала. Не сказала ни слова.

— Спасибо, Кать.

— Нет. Это тебе спасибо, что позвонила. И... я не оставлю это просто так. Обещаю. Я поговорю с мамой, спрошу, знает ли она. Может..., — она не договаривает, потому что все понимает.

Так же, как и я. Ее мать, скорее всего, знала, но молчала. Как и она. Как и Максим. Они все молчали, прекрасно зная о том, чей это ребенок.

Я отключаюсь. Смотрю на молоко — оно давно остыло. Пальцы дрожат.

Я даже не плачу. Не могу. Я просто сижу в кухне, в тишине.

Окно чуть приоткрыто. Лёгкий ветер шевелит шторы.

А я не двигаюсь.

Потому что иначе — рухну.

Глава 6

Кристина

Дверь хлопает неожиданно громко. Резко, с сухим звуком, будто кто-то ударил кулаком по внутренней стороне груди. Я вздрагиваю. Из спальни доносится тихий всхлип. Кира начинает ворочаться, что-то бормочет во сне, вскидывает ручку. Слышу, как ее мишка падает на пол, она вздыхает, но не просыпается.

Выхожу с кухни и замечаю Сашку у входной двери. Он уже снял куртку, поставил обувь аккуратно, как всегда, но стоит, будто не решается сдвинуться с места. Смотрит в пол, слегка нахмуренный, будто собирается с мыслями. Я оста-навливаюсь и смотрю на него.

— Прости, в подъезде окно открыли, сквозняк, — тихо говорит он, заметив мой взгляд.

Я только киваю. Не хочется ни спрашивать, ни отвечать. Просто хочется, чтобы сейчас всё было чуть тише. Прохожу мимо, не касаясь его, и иду в детскую. Слышу, как он медленно выдыхает.

Кира лежит на боку, уткнувшись носом в подушку. На щеке лёгкий румянец, дыхание ровное. Я наклоняюсь, поправляю одеяло, проверяю лоб — температуры нет. Всё в порядке. Но я знаю, как быстро может стать не в порядке, и поэтому задерживаюсь у её кровати чуть дольше, чем обычно.

Смотрю, как подрагивают ресницы, как она шевелит пальцами во сне, как чуть хмурится, словно даже в сновидениях не всё спокойно.

Возвращаюсь в кухню. Саша стоит у стены, теперь уже с телефоном в руке, но экран погас. Он просто держит его, как будто хотел кому-то написать и передумал.

— Мам, поговорим?

Его голос звучит тихо, но в нём не подростковая неуверенность, не раздражение, а что-то совсем другое. Сдержанное и тяжёлое, как у взрослого, который берёт на себя больше ответственности, чем должен.

— Конечно, — отвечаю, чувствуя, как внутри что-то поддаётся. Словно я весь день сжимала кулаки, а теперь пальцы начинают медленно разжиматься и становится больно.

Я сажусь за стол, а он напротив. Не ёрзает, не смеётся, не прикрывается сарказмом, как раньше. Просто смотрит мне в глаза.

— Ты правда не знала? — спрашивает он. — Тетя Катя... она... как она тебе не сказала?

Я качаю головой.

— Она сказала, что не знала, — отвечаю, боясь пока озвучивать свои мысли. Если она не лгала, то это будет нечестно с моей стороны. Сначала я должна убедиться в том, что я не ошиблась.

— Да бред. Лера бы точно ей растрепала. Может, именно поэтому их отношения и иссякли три года назад? — он взды-

хает. Коротко, с усилием, как будто борется с чем-то внутри.

— Пока рано делать выводы на их счет. Да и они сестры. Кто бы сдал свою сестру в такой ситуации?

— Мам, но это же не жвачку в магазине украсть, чтобы о таком молчать.

— Саш, посмотри на Киру. Ты бы смог кому-то рассказать, вычуди она что-то неправильное? Да ты ее прикрываешь, даже если она дома пакостит, а тут такое...

Он оглядывается на дверь в детскую. Сжимает кулаки до белых костяшек и поворачивается.

— Ты права. Я бы не сказал, но Катя... она твоя подруга. Лучшая и..., — он не договаривает. Смотрит на меня. О чем-то думает. — Что теперь будем делать? — меняет он тему.

Смотрю на него. Не на его лицо, а на взгляд. В его глазах застыл тот же вопрос, что и у меня внутри, только он надеется, что я знаю ответ. А я не знаю. И от этого становится страшнее всего.

— Не знаю, Саша.

— Ну... хотя бы что-то? — он пытается зацепиться хоть за что-то.

— Для начала я хочу поговорить с твоим отцом.

Саша хмурится.

— Поговорить? С ним? О чём?

И вот в этом месте всё внутри будто проваливается. Я сижу на кухне, в нашей квартире, на своём месте и не знаю, что делать, что говорить, как жить дальше.

Не знаю, что скажу Максиму, если он всё-таки придёт. Не знаю, как встречу Леру, если увижу её случайно на улице. Не знаю, как скажу Кире, что папа больше не будет приходить на вечерние сказки.

Не знаю даже, как завтра проснусь и приготовлю завтрак.

Я просто не знаю.

— Я..., — начинаю, но замолкаю. Ком застревает в горле, от которого не избавиться ни глотком воды, ни молчанием. — Я правда не понимаю, что делать. Голова будто не работает. Всё, что чувствую — это боль. Боль, которая сжимает изнутри, рвёт сердце, глушит мысли.

Он не отвечает. Просто встает. Подходит ко мне. Не торопясь, спокойно, как взрослый. Обнимает. Тихо, аккуратно, но крепко.

Я чувствую его руки на своих плечах, запах улицы в волосах, и то, как он чуть наклоняет голову и прижимается ко мне щекой.

— Мам, мы справимся, — говорит он.

Он говорит это не потому, что знает, а потому, что хочет, чтобы я поверила. Чтобы я почувствовала, что он рядом. Что я не одна.

Я кладу ладонь ему на спину. Не отвечаю, просто держу его. Сильного, растерянного, моего. Он не должен был взрослеть так рано, но теперь, кажется, у него нет выбора.

И, может быть, у меня тоже.

Глава 7

Кристина

Максима нет. Он не пришёл. Ни ночью. Ни утром. Ни на следующий день. От него не было ни звонка, ни сообщения. Может, он и не собирается. Может, думает, что можно отсидеться и отмолчаться. Но нет. Он ошибается.

Телефон лежит на столе, как мёртвый груз. За эти дни я несколько раз брала его в руки, смотрела на его номер, но так и не решилась нажать кнопку вызова.

Сашка ходит по квартире, как тень. Молчит. Избегает разговоров. Я вижу, как ему тяжело. Вижу, как изменился его взгляд. Вижу, что у него сотни вопросов, но он ни разу не упомянул за это время своего отца.

— Мам, я уже могу пойти гулять? — спрашивает Кира, а я даже не понимаю, как она оказалась у меня на руках.

— Думаю, можно. Но ненадолго, — проверяю ее лоб. Жара нет. Уже второй день, а значит, ей становится лучше.

— Мам, давай я с ней схожу, — неожиданно говорит Сашка, выглядывая из комнаты. — Отдохни немного уже.

Я смотрю на него и больше не узнаю в нём того неуправляемого подростка, который постоянно ходит недовольным и любит спорить. Он повзрослел. Слишком быстро. Слишком резко. Буквально за один день.

— Уверен?

— Да. Посмотри на себя. У тебя уже мешки под глазами.

Я отворачиваюсь. Ночные слёзы оставили после себя красные глаза и опухшие веки. Это была минутная слабость. Холодная постель, пустота на соседней подушке. Одиночество и порыв эмоций, который я так сильно сдерживала все это время.

— Спасибо.

Он подмигивает, берёт Киру за руку и помогает ей одеться.

Я захожу в ванную комнату и зеркало показывает мне чужое лицо.

— Возьми себя в руки, — шепчу. — Дети рядом с тобой. Сашка все видит. Будь сильной ради них. Они этого заслуживают.

Холодная вода. Глубокий вдох, и во мне вновь есть силы, чтобы жить дальше.

Выхожу из ванной и сразу натываюсь на Сашу.

— Мама, ты опять не спала?

Его голос теперь звучит по-другому. Глубже, взрослее. Он ведет меня на кухню и ставит передо мной свежеприготовленный омлет, аккуратно выкладывая его на тарелку.

— Я вижу, как ты дрожишь, — говорит он тихо, беря мои холодные руки в свои тёплые ладони. — И понимаю, что все довольно сложно уложить в собственной голове, но ты должна поесть. Хотя бы немного.

Я киваю, но ком в горле мешает сделать даже глоток. Саш-

ка садится напротив, его глаза теперь не подростковое безразличие. В них глубокая, недетская тревога. Он отодвигает тарелку и наливает мне свежего чая, точно зная, как я люблю. Не слишком крепкий, с лимоном.

— Я всё понимаю, — говорит он вдруг, и в его голосе такая твёрдость, что я поднимаю на него глаза. — Я не ребёнок. Я вижу, как тебе больно.

Мои пальцы непроизвольно сжимают чашку.

— Сашенька, я...

К нам врывается Кира, её звонкий голос наполняет кухню жизнью.

— Мамочка, смотри, я сама заплела косички!

Она крутится передо мной, и я автоматически проверяю ее лоб. Прохладный, щёки розовые. Косички все растрепанные в разные стороны, лохматые, да и совсем не похожие на косички, но это ее маленькое достижение.

— Одевайся давай, малявка, а то я уйду без тебя, — тут же улыбается Саша, не позволяя сестре видеть настоящие эмоции, которые царят в нашей квартире.

— А мама?

— Мама отдохнет. Видишь, как она устала?

— Хорошо, — Кира быстро убегает в свою комнату, а Саша смотрит на меня с такой заботой, что слезы подступают к глазам.

— Пожалуйста, мам. Хотя бы попробуй поспать.

Я киваю, не доверяя своему голосу. Когда дверь закрыва-

ется за ними, я подхожу к окну. Вижу, как Сашка осторожно ведёт Киру за руку, наклоняется, чтобы застегнуть ей кофту. Его движения такие бережные, такие... отцовские.

Опускаюсь на стул, покручивая в руках кружку с давно остывшим чаем, когда раздаётся звук ключа в замке. Всё во мне сжимается.

— Что-то забыли? — выглядываю в прихожую.

Максим. Он снимает обувь и ставит ее аккуратно на полку.

— Привет, — бросает он в пространство, даже не глядя в мою сторону. Его голос ровный, будто он вернулся с обычного рабочего дня.

Я стою, впиваясь ногтями в ладони, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Его запах... тот самый, за который я когда-то любила его, теперь вызывает тошноту.

Он проходит мимо, направляясь в спальню. Я следую за ним, мои ноги будто сами несут меня, хотя разум кричит остановиться.

Он садится на край кровати, снимает часы. Те же плавные движения, что и всегда. Как будто ничего не случилось. Как будто не существует того двухлетнего мальчика. Как будто не разорвана наша семья.

— Что на этот раз? Хочешь в очередной раз поругаться? Или будешь отчитывать, что не ночевал дома? — в его голосе раздражение, словно это я виновата во всем, что творится в нашей жизни.

— Ты ничего не собираешься сказать? — мой голос звучит хрипло, будто это говорю не я.

Он медленно поднимает глаза. В них нет ни раскаяния, ни даже досады. Только усталость. Та самая, которую я видела каждый раз, когда просила его помочь с детьми.

— Что именно ты хочешь услышать? — его голос ровный, почти скучающий.

Тишина. Что я хочу услышать? Да и хочу ли вообще?

Я ждала от него криков. Оправданий. Слов, что все не так, как кажется или... хоть что-то, чтобы оправдать его поведение, но вместо этого ледяное безразличие, от которого по коже бегут мурашки.

За окном раздаётся смех Киры. Я выглядываю в окно и вижу, как Сашка осторожно качает её на качелях, постоянно подстраховывая. Его лицо сосредоточено, брови сдвинуты. Точь-в-точь как у отца, когда тот работал над важным проектом.

И вдруг понимаю — мужчина в этом доме уже есть. И это не тот, кто сидит передо мной с пустым взглядом. Это мой сын, который за одну ночь стал взрослее, чем его отец за все эти годы.

Глава 8

Кристина

Я стою посреди нашей спальни, и кажется, будто стены сжимаются вокруг меня. Воздух густой от его одеколона. Того самого, который когда-то заставлял мое сердце биться чаще. Теперь этот запах вызывает тошноту.

— Расскажешь, когда это началось?

Мои слова повисают в тишине. Максим откидывается на спинку кровати у окна, его пальцы лениво барабанят по тумбочке. Солнечный свет падает на его лицо, и я вижу каждую морщинку, каждую знакомую черточку и не узнаю этого человека напротив. Или я все это время видела в нем того, кем он никогда не был?

— Какая разница, Кристин? Что тебе даст эта информация? Дышать легче станет или что? — его голос ровный, будто мы обсуждаем не его измену, а счет за электричество, который в этом месяце увеличился на пару сотен.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Острая боль помогает не разрыдаться.

— Для меня есть разница, Максим. Я хочу знать, сколько лет ты лгал, глядя мне в глаза. Когда именно наш дом стал для тебя просто... местом, где можно переночевать. Когда твои дети стали для тебя обузой?

Он вздыхает, потирает переносицу. Это жест раздраже-

ния, и он мне слишком хорошо знаком.

— Ты живешь своей жизнью. Я — своей. Что не так? Что изменилось от того, что ты узнала, что у меня есть вторая семья? Небо рухнуло или что?

В груди что-то обрывается. Надламывается. Это мои некогда теплые чувства к любимому мужчине трещат по швам, оставляя на своем месте лишь пустоту.

— Что не так? Что изменилось? — мой голос звучит хрипло. — У тебя есть ребенок. Ему больше двух лет. Ты скрывал это. Врал мне каждый день, целовал меня на ночь, делая вид... делая вид, что ничего не произошло, а сам мотался на две семьи и теперь хочешь, чтобы я закрыла на это глаза?

— А ты что, святая? Вечно выглядишь, как загнанная лошадь, — он внезапно вскакивает, и его тень накрывает меня. — Когда ты в последний раз интересовалась мной? Не детьми, не счетами, не этим проклятым домом, а мной? Или может мне еще напомнить, за чей счет ты живешь?

Меня будто бьют по лицу.

— Твои дети болеют! — вырывается у меня. — Саша постоянно с аллергией, Кира с температурой. Ты палец об палец не ударил, чтобы снять с меня хоть каплю этой ответственности. Ни разу не помог с ними. Ни разу не отвез их в больницу. А по поводу работы... ты сам говорил, чтобы я сидела дома! Ты... сам настаивал на том, чтобы я не выходила на полный день, чтобы не “отвлекать тебя от работы”, когда у кого-то из них вновь сдаст иммунитет, но теперь то

мне стало куда яснее, что за “работа” у тебя и куда ты постоянно уезжаешь на свои “совещания”.

— И что? Будешь упрекать меня? — он наступает, делая шаг вперед. Я чувствую его дыхание на своем лице. — Я тебе что, денег мало даю? Хочешь урвать кусок пожирнее? Уцепилась за Леру, как психопатка, в надежде, что сумеешь вытрясти из меня побольше?

Слезы подступают к горлу, но я их глотаю. Внутри все сжимается в тугую, болезненный комок.

— Ты серьезно? — шепчу я. — Думаешь, что дело только в деньгах?

Он усмехается, отходит к шкафу, начинает рыться в ящике.

— Разве не ради этого ты сейчас истеришь? Ты думаешь, если начнешь истерить, то получишь побольше денег? Нет, дорогая, жёнушка. Будешь устраивать подобные сцены, и я тебя оставлю без гроша в кармане. Без квартиры. Без детей.

Комната плывет перед глазами. Я хватаюсь за спинку кровати, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Ты же понимаешь, что между нами больше ничего не будет, как прежде?

— С чего бы? — фыркает он, оглядываясь на меня, с полным недоумением взглядом. — Ты же, не собираешься подавать на развод? Напугать меня решила?

Я молчу. В ушах звенит. Нет. Это не тот человек, за которого я когда-то выходила замуж.

— Вот и правильно. Лучше подумай, — он проходит мимо, намеренно задев меня плечом. — А лучше — заткнись и живи, как жила. Закрой свои прекрасные глазки и сделай вид, будто ничего не случилось.

Его шаги удаляются по коридору. И тогда во мне поднимается волна. Горячая, яростная, такая сильная, что перехватывает дыхание.

Я выпрямляюсь.

— Максим!

Он оборачивается в дверном проеме. Брови подняты в насмешливом вопросе.

— Я не закрою глаза.

Его лицо меняется. Глаза чуть расширяются, губы сжимаются. Впервые за этот разговор в его взгляде мелькает что-то похожее на... страх?

Но уже поздно.

Я делаю шаг вперед, чувствуя, как земля наконец перестает уходить из-под ног.

— Ты забыл, с кем связался. Я не та девушка, которую ты встретил в университете. Я — мать твоих детей. Твоя законная жена, и если ты думаешь, что я смолчу, то ты совершенно не узнал меня за эти годы.

Его лицо каменеет.

— Кристина, не играй с огнем.

— А я больше не играю, Максим. Игры закончились.

Глава 9

Кристина

Я смотрю на него, и в горле стоит ком. Солнечный луч, пробивающийся сквозь шторы, освещает знакомые черты его лица. Те самые, которые когда-то заставляли мое сердце биться чаще. Теперь они кажутся чужими, словно я разглядываю незнакомца.

— Ты спланировал эту встречу? — спрашиваю я, и мой голос звучит хрипло от сдерживаемых эмоций. — Хотел, чтобы я наконец увидела правду? — задаю вопрос, который сидит глубоко в груди и давно рвется наружу.

Он отводит взгляд, его пальцы нервно барабают по тумбочке. Я вижу, как напряглись его плечи под дорогой рубашкой, как сжалась челюсть.

— Ты же знал, — продолжаю я, делая шаг ближе. Пол скрипит под моими ногами. — Знал, что мы с Сашей поедем именно в эту клинику. В ту самую, которую ты сам выбрал для нас с момента его рождения. Ту, в которой мы наблюдаемся всей семьей.

В воздухе пахнет его одеколоном и чем-то сладким. Возможно, ее духами и этот запах заставляет меня сжать кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

— Ты же не настолько глуп, — шепчу я, чувствуя, как дрожь поднимается от кончиков пальцев, — чтобы приехать

туда в тот же день, когда туда поехала я с Сашей? Или...

Он резко поднимает голову, и в его глазах вспыхивает что-то опасное.

— Чего ты добиваешься? — его голос становится громким, резким. Даже стены, кажется, содрогаются от этого звука. — Истерику устроить захотела? Отлично! Истери, а я пока поживу там, где меня не считают за кусок дерьма!

Он разворачивается и идет к двери, его движения резкие, злые. Я вижу, как нервно он срывает куртку с вешалки, как звякают ключи в его кармане.

— Нет. Ты не хотел нашей встречи, — говорю я, осознавая, что он так нервничает неспроста. — Ты просто просчитался. Ты не слушал, что я тебе говорила. Пропустил мимо ушей, что твоему сыну плохо. Как всегда. Тебя же никогда не волнует здоровье наших детей. Зато ее...

Дверь внезапно открывается.

— Папа! — тут же кричит Кира. Ее голос звонкий и радостный. Она бросается к нему, не замечая напряжения, витающего в воздухе.

Мое сердце сжимается, когда он автоматически подхватывает ее, обнимает. Эта картина... он, держащий нашу дочь, кажется теперь какой-то кошунственной.

— Кируш, — мягко говорит Саша, появившийся в дверях. Его голос спокойный, но я вижу, как напрягаются его плечи, когда он встречается взглядом с отцом. — Ты хотела взять своего мишку, помнишь?

— Точно!

Кира тут же спрыгивает, скидывает туфельки и бежит в свою комнату, оставляя нас в тяжелом молчании.

Саша стоит в дверном проеме и его высокий силуэт почти заполняет пространство. Он смотрит на отца, и в его глазах не детская обида, а холодная, взрослая оценка.

— Что, отец? — его голос звучит непривычно низко. — Уже нагостился?

Максим застывает. Я вижу, как его пальцы непроизвольно сжимаются.

— О чем ты? — он пытается сохранить спокойствие, но я замечаю, как дрогнул его голос.

— Ты же не собираешься здесь жить после того, что натворил?

— Это мой дом. А ты лучше бы помолчал. Не дорос еще, чтобы указывать мне, как жить.

Саша делает шаг вперед.

— А я не указываю. Говорю как есть. Тебя здесь больше никто не ждет. Да и ты же знаешь, что я никогда не оправдывал твоих ожиданий. А в этой ситуации уж тем более. Кстати... Не вижу чемодана в твоих руках. Или ты налегке?

— Какого чемодана?

— С твоим тряпьем, — пауза. — Или думаешь, что после всего случившегося тебе здесь будут рады?

Тишина становится почти физически ощутимой. Максим смотрит на сына, потом на меня. В его глазах не злость, а

что-то другое... растерянность? Страх?

— Ты..., — начинает он, но Саша уже поворачивается ко мне.

— Мам, — говорит он тихо, но так, чтобы слышал отец, — давай закроем дверь. Здесь сквозняк и чем-то воняет.

Я понимаю. Это не просто слова. Это выбор.

Мой взгляд встречается с Максимом.

— Да, — говорю я ровно. — Давай закроем.

— Мы еще не закончили, Кристина, — предупреждая выдает Максим, и в его голосе столько холода, что я невольно ежусь.

— Правильно, Максим. Мы не закончили. Потому что я не позволю тебе закончить так легко.

Я делаю шаг к двери, чувствуя, как что-то внутри окончательно рвется. Максим отступает, но в его взгляде намного больше, чем он говорит. Он не отступит так просто, и я это понимаю.

Глава 10

Кристина

Утренний свет льётся через кухонное окно, окрашивая всё в бледно-золотистые тона. Я стою у плиты, механически помешивая овсяную кашу. Пар поднимается кругами, обжигая пальцы, но я почти не чувствую боли. Только тупое онемение где-то глубоко внутри. Каждая ложка кажется мне невероятно тяжёлой, будто наполненной свинцом.

— Смотри, мама!

Кира врывается на кухню, её белокурые волосы растрепаны после сна, а на лице сияет улыбка. Я опускаюсь на корточки. В руках она сжимает лист бумаги, который тут же тычет мне в лицо, и перед глазами возникает детский рисунок: жёлтый дом, зелёная трава и четыре фигурки — папа, мама, Саша и она.

— Это мы все! — восторженно объявляет Кира, указывая пальчиком в каждую фигурку.

Мои руки дрожат, когда я беру рисунок. Бумага тёплая от её ладошек.

— Красиво, солнышко, — целую ее в макушку, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Но внутри всё сжимается, будто кто-то сжал сердце в кулаке.

— Когда папа придет, я и ему покажу, — беззаботно заявляет Кира.

В груди возникает резкая боль, будто кто-то воткнул нож и провернул.

— Кирюш, папа... он сейчас не может, — говорю, отворачиваясь к плите, где уже начинает пригорать каша.

Сашка, сидящий за столом с телефоном в руках, резко поднимает голову. Его глаза точь-в-точь как у отца, но взгляд другой. Твердый. Взрослый.

— Кир, иди собери рюкзак, — говорит он, откладывая телефон. — Сейчас в садик пойдем. Ты ведь уже не болеешь, а пропускать нехорошо. Тем более там твои друзья скучают.

— Но я хочу папу! — она топает ножкой и ее голос становится капризным. — Он обещал мне зоопарк!

Кастрюля выскальзывает у меня из рук и падает в раковину с оглушающим грохотом. Молоко разбрызгивается по стенкам, капля попадает мне на руку, горячая, как слеза. Я закрываю глаза и глубоко дышу. Собираюсь с силами, чтобы ответить дочери, но теплые руки вдруг обнимают меня сзади.

— Мама, я с ней разберусь. Поговорю. Придумаю что-нибудь, — шепчет Саша на ухо. — Отдохни. Приведи себя в порядок. Подумай, как мы будем жить дальше. Узнай, в конце концов, про то, как разводиться, — его слова такие тихие, что их слышу только я. Но в них столько уверенности, что мне хочется плакать. — Хватит изматывать себя таким, как он. Пусть он валит туда, откуда пришел, раз ему там так хорошо живется. А мы и без него справимся. Договорились?

— продолжает он, и я чувствую, как его пальцы слегка сжимают мои плечи.

Едва заметно киваю, чувствуя, как ком застревает в горле, не позволяя проглотить слюну.

Саша берет Киру за руку и молча уводит в комнату. Я слышу, как он спокойно говорит:

— Папа заболел. Надолго. Он пока будет жить в другой квартире, чтобы и нас не заразить. Но мы вместе с тобой сходим в зоопарк, ладно? Я тебе всех зверей покажу.

— Правда? — голос Киры звонкий и уже без слез. — А мы пойдем к обезьянам?

— Пойдем. И ко львам, и даже к змеям.

— Фууу, змеи. Не хочу к ним.

— Значит, обойдемся без них. А пока давай не будем напоминать маме про папу, а? Ей и так тяжело. Ты только выздоровела. Я вон все еще чешусь, а тут еще и он со своими болячками. Хорошо?

— Хорошо, но с тебя сладкая вата!

— Договорились.

Я прижимаю ладони к лицу. Саша никогда не был таким со своей сестрой. Их отношения были, как и у большинства. Ссоры, приступы ревности, деление на моё-твоеё, но сейчас все иначе. Слезы жгут кожу, но я быстро смахиваю их, когда слышу топот ножек Киры.

— Мама, Саша отведет меня в садик, а вечером мы пойдем в зоопарк! — кричит она из коридора, уже одетая и с

рюкзачком за спиной.

Беру себя в руки и выхожу.

— Сам отведет?

— Да. А еще купит мне вату, — облизывается она, и в её глазах столько радости, что мне становится легче.

— Саш, возьми деньги, — открываю кошелек и протягиваю ему пару тысяч наличкой.

— Не смейся, мам, — он качает головой, улыбаясь. — Лето на дворе, и мне не пять лет. Я уже успел чутка заработать.

— Но это твои карманные и...

— Мам, давай без этого, — перебивает он, надевая кроссовки. — Я могу позволить себе отвести сеструху в зоопарк. И даже на вату найду денег. Ты лучше отдохни. О себе подумай.

— Пока вас нет, я лучше возьму пару уроков и проведу их в тишине, — улыбаюсь, чувствуя, как ко мне вновь возвращается желание жить.

— Вот и отлично! Заодно потом не забудь узнать, как..., — он опускает взгляд на Киру. — В общем, посмотри, что там и как.

— Спасибо, Саш.

Дверь за ними закрывается, а я не могу не улыбнуться. Мой муж сделал свой выбор, когда рванул за Лерой, вместо того, чтобы позаботиться о здоровье Саши, и я это запомнила на всю жизнь. Но, кажется, это сделала не только я.

Глава 11

Кристина

Дверь распахивается с оглушительным грохотом, и в квартиру врывается ураган по имени Кира.

— Ма-а-ам!

Ее голос звенит так громко, что у меня на мгновение перехватывает дыхание. Я стою на кухне, сжимая край стола, пока пальцы сами собой белеют от напряжения. В груди звенящая пустота, но почему-то болит, так будто кто-то выскоблил все нутро острым ножом.

— Мы видели слона! Настоящего!

Кира влетает на кухню, ее волосы растрепаны, щеки покраснелись, а глаза горят так ярко, что больно смотреть. Она размахивает руками, показывая, как огромное животное двигало хоботом, и я автоматически опускаюсь на колени, чтобы помочь ей снять кроссовки, о которых она в очередной раз не подумала.

Руки дрожат. Пальцы скользят по мокрым шнуркам.

— И потом Сашка купил мне вату! Такую большую! — Кира разводит руки в стороны, показывая размер. — И я съела всю!

— Вижу, — улыбаюсь я, вытирая ей липкие щеки влажной салфеткой.

Саша заходит следом, бросает рюкзак Киры на стул. Его

лицо усталое, но довольное.

— Она бегала как заведенная, — говорит он, и в его голосе не только усталость, но и что-то теплое, чего раньше не было. — Уморила меня вконец. Я даже не представлял, что эта сорвиголова обладает таким запасом энергии. Ощущение, что она заряжается от солнца.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что он стал старше. Не на день, не на неделю. На годы.

— Неправда! Я была очень хорошая!

Кира топает ногой, и я ловлю себя на мысли, что не могу вспомнить, когда в последний раз Максим водил ее куда-то. В зоопарк, в кино или просто гулять. А про выходы вместе с семьей, я вообще не говорю. Таких на моей памяти практически нет.

— Иди собирайся в ванную, — говорю я Кире, и слова даются с трудом.

Она убегает, а я остаюсь стоять посреди кухни, глядя на свои руки.

— Мам, ты как? Узнала по поводу..., — он выглядывает за дверь. Я слышу, как Кира гремит шкафчиками, собираясь в ванную.

— Ничего такого. Пока только поверхностно. Сегодня весь день проводила уроки, и знаешь, оказывается, я все еще довольно востребованный педагог, — мои губы трогает легкая улыбка, а в груди зажигается огонек надежды, что все не так плохо.

— Еще бы! С твоим-то опытом и образованием. Я вообще не понимаю, почему ты раньше не занималась этим всерьез.

— Сама не знаю. Все время крутилась вокруг дома и, видимо, забыла, кто я есть.

— Зато сейчас у тебя будет уйма времени, — он подходит ближе и его теплые ладони ложатся на мои плечи. Мам, сейчас есть только мы втроем, и я не буду как отец. Я не брошу тебя одну вариться во всем этом быте.

— Я знаю, — в горле застревает тугой ком, и я чувствую, как слезы подступают к глазам, но это слезы радости. Даже гордости, за то что мой мальчик вырос таким. За то, что я смогла его воспитать достойным мужчиной. — Ты принял лекарства?

— Конечно. Если бы не они, то я бы зачесался до смерти, — смеется Саша. — Не волнуйся обо мне, мам. Я смогу позаботиться не только о себе, но и о вас с мелкой.

— Мама, я готова! — кричит Кира, отталкивая Сашу от меня.

— Спасибо, Саш, — обнимаю сына, и Кира тут же утягивает меня за собой.

Вода в ванной шумит, но не заглушает голос Киры.

— А потом была птица! — продолжает Кира, не унимаясь ни на секунду.

Я намыливаю ей спину, а она вертится, и брызги летят во все стороны.

— Сиди спокойно, — прошу я, но голос звучит как-то от-

даленно, будто это говорю не я, а кто-то другой.

В голове каша.

Надо разобраться с тем, как разводиться. Максим точно будет вставлять палки в колеса. А потом алименты. Раздел имущества. Кто заберет детей? Как сделать так, чтобы он не отнял у меня Киру? А нужна ли она ему вообще? Сомневаюсь. Если бы была нужна, то он бы не вел себя таким образом. А значит, ему не нужен никто, кроме самого себя.

Глава 12

Кристина

Мысли путаются, накатывают волнами, и я вдруг понимаю, что понятия не имею, как это все работает. Как подавать заявление. Куда идти. Что делать в первую очередь и какие документы нужны... Куча вопросов ворохом крутятся в моей голове.

— Мам, а папа все еще болеет?

Вопрос Киры застаёт врасплох.

— Болеет, — отвечаю я, и губы будто сами собой растягиваются в какой-то жуткой улыбке.

— А что у него болит?

— Голова, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. И совесть. Если она у него вообще есть.

— Мам, а папа больше не придет к нам? — ее вопрос такой простой, такой детский, что у меня перехватывает дыхание. — Он нас не любит?

Я застываю с полотенцем в руках, чувствуя, как что-то внутри рвется на части.

Я не знаю. Не знаю, что сказать. Что ответить? Я не была готова к этому. Я не думала, что когда-нибудь нечто подобное коснется меня. Это могло случиться с кем угодно, но чтобы со мной...

— Иди сюда. Давай я сначала тебя вытру, и ты оденешься.

— Хорошо, — с легкостью соглашается она, пока у меня в груди поселяется тревога. Кира быстро натягивает пижаму и тут же выскакивает в коридор. — Мам, так папа придет к нам сегодня? — оглядывается она, вспоминая свой вопрос, который я предпочла бы забыть.

— Мелочь, ты опять за свое? — Саша появляется в дверях, как гром среди ясного неба. — Ты же обещала не документать маме вопросами.

— Я просто подумала..., — ее голос дрожит, и мое сердце сжимается, — что когда мы придем, папа будет дома.

— А я думал, ты придешь и хорошо поешь, как ты мне и обещала, когда я покупал тебе сладкую вату, — говорит Саша, и в его глазах столько понимания, что мне хочется плакать.

— А ты еще не подогрел мне суп!

— Как это не подогрел? А что тогда стоит на столе и ждет тебя?

— Правда? — ее глаза округляются, и она тут же бежит на кухню. Я слышу как звякает ложка. Как Кира шуршит пакетом с хлебом и все становится так по-домашнему. Так по-семейному.

Уплетая суп за обе щеки Кира то и дело болтает без умолку, но с последней ложкой бульона вдруг затихает.

Я смотрю, как она ковыряет ложкой в тарелке, и понимаю, что не могу смотреть на то, как сильно она переживает. Я должна ей объяснить ситуацию. Должна донести, что папа

теперь редкий гость в нашем доме, но...

Как объяснить маленькому ребенку, что папа просто... ушел. Что у него есть вторая семья. Что он выбрал их, а не нас.

— Все? — спрашиваю я, когда она отодвигает тарелку.

Она кивает и тут же зевает.

— Саша, проводи сестру в кровать.

— Я сама! — ворчит она, но сама чуть ли не засыпает на ходу.

Саша подхватывает ее на руки и несет в комнату. Я слышу, как он читает ей сказку, как она пытается возражать, но голос ее становится все тише, пока не затихает совсем.

Мой муж предпочел сбежать от ответственности. От разговоров. От нормального диалога, а я осталась расхлебывать все одна. Сама должна выкручиваться, подбирая нужные слова для Киры, но я не всесильная и рано или поздно я буду вынуждена объяснить Кире, что папа теперь не будет к нам приходить.

Вечером нахожу Сашу на балконе. Он курит, но я никогда не видела его с сигаретой. Не чувствовала запаха табака.

— С каких пор? — спрашиваю я, и голос звучит хрипло. Я не злюсь. Не одобряю, но и не ругаю. Просто понимаю его.

— С сегодняшнего утра, — он делает затяжку, морщится. — Гадость, кстати.

Я забираю сигарету и тушу.

— Не надо становиться им. Он не тот на кого стоит рав-

няться.

Саша смотрит в темноту. О чем-то думает, а затем очень тихо произносит:

— Он звонил, пока мы были в зоопарке. Говорил, что привезет Кире игрушку. Хочет подмазаться к мелкой, чтобы она не возненавидела его.

Ледяная волна накатывает на меня.

— И что ты ответил?

— Что если подойдет к дому, то я вызову полицию. Заявлю о домашнем насилии. Сделаю все что угодно, чтобы он не посмел подняться в квартиру, — он поворачивается, и в его глазах столько боли, что хочется кричать. — Мама, я не дам ему вас ранить. Ни сестру, ни тебя.

Я обнимаю его, чувствуя, как он дрожит.

Мой мальчик.

Мой ребенок, который стал взрослым вместо своего отца.

— Мы справимся, — шепчу я и впервые за эти дни верю в это.

Ночью Кира забирается ко мне в кровать. Ее ручки обвивают мою шею.

— Мама, ты спишь? — шепчет она.

— Уже нет. У тебя что-то болит?

— Нет. Просто мне снился папа, — ее голосок такой маленький, такой потерянный. — Он сказал, что больше не любит меня и Сашу.

Я прижимаю ее к себе, вдыхая запах детского шампуня.

— Это просто сон, рыбка.

— А он вернется?

Молчу. Не могу ей врать. Кира обнимает меня крепче.

— Не знаю, но у нас есть Саша. Он любит нас.

И в этот момент я разрываюсь на части.

Потому что... у нас есть Саша. Но он все еще ребенок. И ему не нужно было так рано становиться тем, кто защищает свою семью.

Глава 13

Кристина

Я просыпаюсь не от солнечного света, который обычно ослепляет, пробираясь сквозь тонкие шторы, а от того, что телефон настойчиво вибрирует прямо у меня под подушкой.

Первая мысль: “Кто вообще звонит в такую рань?” На часах пять часов семнадцать минут, за окном только светлеет. Кира начинает ворочаться рядом со мной, но не просыпается. Хмурит бровки и зарывается глубже в подушку.

Экран светится в темноте спальни.

“Любимый”.

Горькая усмешка сама собой появляется на моих губах. Надо бы поменять это имя в контактах. “Предатель” подойдет идеально. Или “Лжец”. А может просто “Чужой”? И это самые ласковые слова, которые всплывают в моем сознании в столь ранний час.

Телефон не унимается. Вибрация разносится по всей кровати. Я осторожно выскальзываю из-под одеяла, стараясь не разбудить Киру. Прохладный паркет холодит босые ноги, когда я пробираюсь к двери и прикрываю ее за своей спиной.

В коридоре наконец решаюсь взглянуть на экран, когда телефон замолкает. Уже семь пропущенных. Все от него.

Секунда, и телефон вновь оживает в руках.

Что за чертовщина? Что ему вообще понадобилось так

срочно, чтобы названивать без остановки? Рука сама тянется к кнопке ответа, хотя все внутри кричит: “Не бери”.

— Слушаю — мой голос звучит хрипло от недавнего пробуждения. Я прикрываю рот ладонью, будто это может скрыть дрожь в голосе.

— Наконец-то! — его голос режет слух. — Я уж думал, что ты вообще не собираешься отвечать.

Я стискиваю зубы, чувствуя, как в висках начинает пульсировать кровь. Бесшумно ступая по прохладному полу, иду на кухню и на автоматизме ставлю чайник.

— Что тебе нужно, Максим? Еще и в пять утра? Ты хоть на секунду задумался, о том что твои дети спят в это время? Ладно я, но они... у тебя совесть вообще есть?

— Не истери. Сходи сегодня в магазин, купи что-нибудь типа торта. Или пирожных. Ну, ты поняла.

Мир вокруг будто замирает. Я слышу только собственное сердце, которое колотится где-то в горле от столь неприкрытой наглости.

— Что... прости, что ты сказал? — переспрашиваю и слова выходят шепотом.

— Не притворяйся глухой. Торт. Ну или что-то подобное. Ты же умеешь выбирать.

Я опираюсь о стену, потому что ноги вдруг становятся ватными. Это какой-то сюр. После всего, что произошло...он звонит с утра пораньше и просит купить... торт? Seriously?

— Милый, — мой голос звучит сладко-ядовито, с сарказ-

мом, который я даже не пытаюсь скрыть. — А ты номером случайно не ошибся? Или, может, внезапно обрел проблемы с памятью и забыл, что наговорил мне три дня назад? Мне кажется, тебе там есть кому прислуживать и покупать торты.

— Кристина, — его тон становится опасным, — ты угомонишься или как?

“Угомонишься”. Это слово поджигает что-то глубоко внутри. Я сжимаю телефон так, что пальцы немеют.

— Угомонишься?! Я даже не начинала ещё. Поверь, что рано или поздно я сделаю так, что ты ещё пожалеешь о том, что сделал, — мой шепот превращается в шипение. — Ты предал меня! Ты разрушил нашу семью! Ты годами врал мне, пока бессовестно жил на две семьи! А теперь звонишь в пять утра и просишь купить тебе чертов торт?!

— Вот именно, Кристина. НАШУ семью! — он орет в ответ, и я невольно отстраняю телефон от уха. — И я имею право на...

— Ты больше ни на что не имеешь права! — перебиваю его, и мой голос звучит спокойно, но от этого не менее опасно.

— Послушай меня сюда, Кристина. Не играй на моих нервах. Думаешь, если наш сын встал на твою сторону, то у тебя внезапно крылья за спиной отрасли?

— И не только крылья, Максим. Знаешь, с твоим уходом я внезапно осознала, что в нашем доме всегда был только один мужчина, и это не ты.

— Кристина! — орет он, и слезы внезапно подступают к горлу, сжимая его в тугом спазме, с которым становится все труднее бороться.

— Ты больше никто! Тебя не существует в нашей жизни. Пусть твоя любовница бежит тебе за тортами и подтирает твою задницу. Ты... ты..., — голос предательски срывается.

Я задышаюсь, в груди будто раскаленный шар. За спиной тихо скрипит дверь, заставляя меня обернуться и взять себя в руки.

Саша стоит на пороге кухни. Его глаза внезапно такие осознанные, и сейчас в них читается только холодная ярость. Он смотрит на мои дрожащие руки, на лицо, на котором, скорее всего, отражается вся гамма моих чувств в этот момент, на глаза, которые уже пощипывает от наглости Максима.

— Отец? — шепчет он одними губами, практически беззвучно.

Я могу только кивнуть. Если попытаюсь заговорить, то разрыдаюсь. Не смогу сдерживать эту бурю в груди. Не смогу контролировать эмоции, которые бьют через край. Не перед ним. Не сейчас.

Саша молча протягивает руку. Я без раздумий отдаю ему телефон, чувствуя, как от этого простого жеста что-то щелкает внутри.

— Отец? — его голос звучит с ледяным спокойствием.

— Саша? — тон Максима мгновенно меняется. Становится мягче, но все равно остается раздраженным, и я слышу

это даже стоя рядом. — Сын, это не твоего ума дело. Ты еще не дорос, чтобы влезать в разборки родителей. Тем более, чтобы отвечать на звонки, которые не адресованы тебе, поэтому...

— Заткнись, — Саша произносит это так тихо, что мне становится страшно. — Ты вообще какое право имеешь так разговаривать со своей пока еще женой? Ты хоть когда-то был мужиком? Знаешь, что такое банальная вежливость? Откуда в тебе столько дерьма, что ты позволяешь себе выливать все это на нее?

— Ты как со мной разговариваешь?! Я твой отец!

— Отец? — Саша усмехается, и в этом звуке столько презрения, что у меня по спине бегут мурашки. — Отец не бросает своих детей. Не предает собственную жену. Не заводит вторую семью за ее спиной.

— Я вас не бросал! — кричит Максим, но в его голосе уже слышится неуверенность.

— Врешь. Ты выбрал ИХ. Свою любовницу. Своего ДРУГОГО сына. — Саша делает паузу, и в тишине слышно, как он тяжело дышит. — Знаешь что? Больше не смей ей звонить. Не приходи. Не возвращайся. Живи там, где тебя готовы целовать в зад, а нам... Ты нам не нужен. Никому из нас.

Он вешает трубку. Бросает телефон на стол с таким видом, будто только что вытер о него руки.

Я смотрю на сына. Моего мальчика, который стал мужчиной, и понимаю: это только начало войны. Но теперь я не

одна.

Телефон снова загорается. Максим. Опять.

Саша берет аппарат, смотрит на экран, затем спокойно выключает его и кладет в ящик.

— Хватит, — говорит он. — С сегодняшнего дня мы живем по-новому.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Впервые за все эти дни я чувствую, что мы действительно справимся. Потому что в этом доме есть кто-то сильнее боли. Сильнее предательства.

Сильнее Максима. Мой сын, моя дочь, я. Мы уже семья, и мы есть друг у друга, а значит, у нас нет шанса не справиться.

Глава 14

Кристина

Телефон вибрирует в моей ладони, заставляя пальцы непроизвольно сжаться.

“Катя” — светится на экране.

Я задерживаю дыхание, наблюдая, как имя подруги мерцает в такт звонку. Почти две недели молчания. Почти две недели вопросов без ответов.

— Привет, — мой голос звучит неестественно ровно, будто я разговариваю с кассиром в магазине, а не с подругой, которую знаю практически половину своей жизни.

— Крис! — её голос слишком бодрый, но при этом слишком натянутый. — Как ты? Как самочувствие? Дети? Как... как Сашина аллергия?

Каждый вопрос, как удар тупым ножом. Раньше я с радостью могла болтать с ней часами обо всем что происходит в моей жизни, но сейчас... Я сжимаю телефон, чувствуя, как подушечки пальцев немеют от напряжения.

— Всё нормально, — отвечаю коротко, глядя в окно. За стеклом начинается дождь. Тучи затягивают последние лучи солнца, превращая солнечный день в пасмурный.

— Слушай, Крис. Мне так жаль... Так стыдно, что Лера..., — Катя начинает, и в её голосе появляются фальшивые нотки. — Что моя сестра... что она так подло поступила

и... я просто...

— Ты не можешь отвечать за ее поступки, Кать. Почему ты извиняешься?

— Не знаю, просто она столько времени лгала не только тебе, но и мне, и маме.

Я молчу. Мне нечего ей ответить, а если бы и было, то я бы не стала, потому что все еще не верю ни единому ее слову.

— Крис, ты сегодня как? Дома? Может, мне к тебе приехать? Посидели бы, выпили винишка. Поговорили. Я могу хоть сейчас. Или после обеда. Как тебе будет удобно. Когда ты будешь свободна? — тараторит она, и что-то в ее вопросах заставляет меня напрячься.

— Я сегодня дома, но приезжать не стоит.

— Почему? Ты злишься на меня за то, что Лера...

— Дело не в этом. Мне нужно поработать пока Кира в садике.

— Понятно, значит, ты весь день будешь дома, — говорит она, больше констатируя факт.

— Кать, прости, мне тут звонят, — перебиваю я, наблюдая, как Саша на кухне наливает себе чай. Его движения точные, уверенные, совсем не как у того мальчишки, который ещё месяц назад не мог даже яичницу себе пожарить.

— Хорошо, но..., — Катя замялась, — ты, получается, сегодня весь день дома будешь?

— Скорее всего, — отвечаю автоматически, уже нажимая красную кнопку и голос подруги обрывается на полуслове.

Телефон снова загорается. Опять тот же незнакомый номер, что звонил минуту назад. Я вздыхаю, проводя ладонью по лицу.

— Слушаю.

— Добрый день, это из клиники “Здоровье”, — приятный женский голос звучит как глоток свежего воздуха после фальшивого тона Кати. — Результаты анализов Александра готовы.

— Добрый день. Спасибо, — говорю я, чувствуя, как плечи непроизвольно напрягаются. — Когда можно записаться на прием к врачу?

— Ваш врач будет работать сегодня с трёх до семи. Есть свободное время в три часа. Записываем?

— Да, на три часа, пожалуйста, — киваю я, хотя знаю, что на другом конце провода меня не видят.

— Отлично. Записали вас на сегодня на три часа дня, — дублирует администратор. — Будем ждать вас. Хорошего дня.

— Хорошего дня, — сбрасываю вызов.

Саша подходит ближе, его бровь вопросительно изгибается. В глазах мелькает смесь любопытства и беспокойства. Он стал таким внимательным к деталям в последнее время.

— Куда собралась? — спрашивает он, подмигивая. — На свидание?

Я фыркаю, чувствуя, как на мгновение напряжение покидает моё тело.

— Не смейся, — улыбаюсь, протягивая ему телефон. — Твои анализы пришли, надо к врачу. Надеюсь, у тебя не было планов?

— Нет, — он обнимает меня, и его объятия такие тёплые, такие искренние, что я забываю обо всём. — Пока Кира в садике — я весь твой, — его голос становится тише, когда он добавляет. — Мам, знаешь... мне так хорошо, когда его нет дома.

Мне не нужно уточнять, о ком он. И самое странное, что он прав. В последние дни я будто начала дышать заново. Больше не нужно гладить его рубашки, помнить о его предпочтениях, подстраиваться под его график. Я стала замечать мелочи. То, как Саша морщит нос, когда думает, как Кира шевелит губами, когда листает очередную книжку. Такие простые, но такие важные вещи.

— Собирайся, — говорю, отстраняясь и проводя рукой по его щеке. — Надо успеть.

По дороге в клинику замечаю, как Саша непроизвольно почесывает руку. Его пальцы нервно скользят по коже, оставляя красные следы.

— Опять чешешься? — спрашиваю мягко, касаясь его руки своей.

Он пытается улыбнуться.

— Да нет, просто... задумался.

Но я знаю своего сына. Знаю, как его тело реагирует на стресс. И сейчас оно кричит о помощи, даже если его губы

молчат.

Глава 15

Кристина

Мы сидим на приеме в просторном, светлом кабинете, где пахнет медикаментами, и врач подтверждает мои опасения. Новая аллергия. Очередная, я бы даже сказала. В этот раз на цитрусы. Список того, что ему нельзя увеличивается в геометрической прогрессии чуть ли не с каждым днем.

— Кристина Олеговна, у вашего сына возможны обострения на нервной почве. Стресс на данный момент — сильнейший триггер. Нужно максимально оградить его от любых переживаний, — слова врача звучат как приговор.

Я киваю, чувствуя, как в груди завязывается тугой узел. Как я могу оградить его от стресса, когда наш мир перевернулся с ног на голову?

— Хорошо, мы постараемся сделать все возможное, — соглашаюсь с врачом, но сама пока не представляю, как это сделать.

— Тогда на первое время я пропишу вам новые лекарства. Судя по сыпи и разросшимся коростам, старые не справляются в должной мере.

— Спасибо, — я молча наблюдаю за тем, как он выпишивает нам новый список лекарств. Еще один. Опять новые препараты.

— Вот, возьмите. Все рекомендации я вам так же напи-

сал. Постарайтесь их соблюдать. Особенно все, что касается стресса. Это очень важно.

— Благодарю. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему, — киваю я.

— Мам, не волнуйся ты так, — подбадривает Саша с его подростковым спокойствием, когда мы выходим из кабинета врача. — Избавимся от главного триггера, и аллергию как рукой снимет, — шутит он, намекая на отца, и я не могу не улыбнуться.

Он должен был оставаться подростком, который бунтует и живет беззаботной жизнью, а стал мужчиной, который позволяет мне уверенно стоять на ногах.

— Мам, я в уборную, лады? — спрашивает Саша после приема, и я вижу, как ему тяжело дается это спокойствие.

— Да, я подожду тебя здесь, — улыбаюсь, садясь на скамейку в пустом коридоре.

Достаю телефон, механически просматривая объявления. Нужно больше дополнительных уроков, больше независимости. Пальцы дрожат, когда я ввожу запрос “репетиторство по английскому языку”. Каждая копейка сейчас на счету.

— Лера, ты идиотка! — знакомый голос из-за угла доносится до меня слишком внезапно. Катя. Моя Катя. Её шёпот резкий, злой, полный ярости. — Как у тебя вообще хватило ума пойти сюда вместе с ним?

— Я не хотела! — слышу я голос Леры — тот самый, который не так давно разрушил мою жизнь. — Максим сам на-

стоял. Говорил, что тут врачи лучше. Что Денис будет в надежных руках. Что его вылечат здесь.

— Два дебила, блин! — почти шипит в ответ Катя. — Я же тебе три года назад по-русски сказала — залечь на дно! Предупреждала, что Кристина всё узнает!

Кровь стучит в висках. Руки холодеют, пальцы цепенеют, сжимая телефон. Они... они все знали. Все три года. Три долгих года. Катя. Ее мать. Лера, Максим. Они три года молчали, глядя мне прямо в глаза.

— Он любит меня, Кать, — слышу я слабый голос Леры, полный наивной уверенности.

— Ой, Лера, ну ты и дура! — фыркает моя уже бывшая подруга. — Не говори только, что он обещал на тебе жениться?

— Я не дура, Кать! — слова Леры звучат обиженно. — Он сказал, что уйдёт от неё, как только Кира пойдёт в садик!

Тишина. Затем ледяной смехок Кати.

— Дура, ты, Лера. Кира уже давно ходит в садик. А Максим, если бы и хотел уйти от Кристины, то давно бы это сделал. А раз он все еще с ней, то ему, нахрен, не сдался развод, о котором ты так грезишь.

— Он разведется! Он обещал, Кать. Мы с ним второго ребенка планируем. А Кира... она наверное еще не пошла в садик. Ты что-то путаешь. Максим... он не стал бы мне врать.

— Я ничего не путаю, Лер. Я уверена, что Кира ходит в

садик, потому что сама водила ее туда вместе с Кристиной.

— Х-ходит? — голос Леры срывается на какой-то неуверенный шепот.

Не помня себя, я встаю. Ноги несут меня вперед сами, будто против моей воли. За угол. К ним.

Они замирают при виде меня. Катя с телефоном в руках, Лера, бледная, с огромными испуганными глазами. В её руках — медицинская карта. На обложке знакомое имя: “Сokolov Денис Максимович”.

Он дал ему свою фамилию. Признал этого ребенка своим. Ребенок смотрит на меня снизу вверх и, кажется, он вообще ничего не понимает из того, что говорит его мать.

— Ходит, Лера. Ходит, — говорю я, покидая свое незапланированное “укрытие”. — Кира уже год как в подготовительной группе. А в этом году идет в младшую группу.

Катя роняет телефон. Звук падения эхом разносится по коридору. Её лицо становится серым, губы дрожат.

— Крис... я..., — она протягивает ко мне руку, но я отшатываюсь.

— Три года, Кать, — шепчу я, чувствуя, как слёзы жгут глаза, но я не даю им вырваться. — Ты смотрела мне в глаза, пила мой чай, нянчила моих детей... и знала.

Лера пытается что-то сказать, но я поворачиваюсь к ней.

— А ты... ты даже не догадалась проверить, ходит ли моя дочь в садик? — мой смех звучит горько. — Как же ловко он обвёл тебя вокруг пальца.

Саша появляется из-за угла. Его глаза перебегают с Кати на Леру, затем на меня. Он всё понимает без слов.

— Мам? — его голос твёрдый, как сталь. — Пойдём.

Я беру его за тёплую, живую, настоящую руку. На улице все еще идёт дождь. Но мне не спрятаться. Не убежать. Саша крепче сжимает мою руку, когда мы идём к машине. Его голос тихий, но твёрдый:

— Всё будет хорошо, мам. Они получают по заслугам. И Катька, и эта Лера. Они все узнают, что такое предательство, а ты в тот момент уже будешь счастлива. Потому что ты единственная из них, кто не замарал свое сердце в грязи.

Я хочу ему верить. Очень хочу. Но сейчас единственное, что я чувствую — это ледяное безмолвие, заполняющее меня изнутри. И одно осознание, которое жжёт сильнее слёз:

Моя лучшая подруга три года смотрела мне в глаза и лгала. Три года. А я... я верила ей и доверяла свои самые сокровенные переживания. Рассказывала ей свои секреты. Плакала в трубку, когда Максим “задерживался на работе”, а в это время он просто был с ее сестрой, и она об этом знала. Каждый раз знала и молчала.

Глава 16

Кристина

Крупные капли дождя с силой бьются о лобовое стекло, превращая четкую картинку в смазанное пятно. Мои пальцы впиваются в руль так сильно, что суставы белеют. В груди как будто тяжелый камень, а в голове непрерывно крутятся одни и те же мысли, как заезженная пластинка.

“Он дал незаконнорожденному ребенку свою фамилию. Своё отчество. Он поставил его наравне с моими детьми”.

— Мам, — голос Саши вырывает меня из этого порочного круга.

Я резко поворачиваю голову. Слишком резко. Настолько, что на мгновение перед глазами вдруг рябит, но я быстро моргаю и все становится на свои места.

— Что такое, Саш?

Он смотрит на меня с беспокойством, его пальцы нервно барабают по подлокотнику.

— Мы проехали поворот.

Быстро оглядываюсь в зеркало заднего вида. Чёрт. В животе сжимается комок. Я резко жму на тормоз, машину немного заносит на мокром асфальте.

— Прости, — бормочу я, разворачиваясь на пустынной дороге.

— Мам, да не думай ты о них! — Саша косится на меня

с присущим ему в последнее время беспокойством. Его голос твердый, но в глазах тревога. — Пусть им всем вернётся. Пусть они узнают, каково это быть преданным самыми близкими.

Я молчу, потому что слова застревают в горле. Дело не только в них. Дело в том, что вся моя жизнь оказалась ложью. В том, что человек, которому я верила, оказался чужим.

— Саша, — наконец выдавливаю я, — я вообще не думаю о них. Мне просто... мерзко от осознания того, как они поступили.

Мой голос слегка дрожит, и я ненавижу эту слабость. Ненавижу, что до сих пор не могу говорить об этом спокойно.

Он хмурится, и его скулы напрягаются. Я вижу, как его пальцы сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони.

— Желание двинуть этому уроду по морде, — сквозь зубы выдавливает он.

Неожиданная улыбка появляется на моих губах. Мой вспыльчивый подросток вернулся. Но за этой вспышкой гнева я вижу боль. Ту самую, которую он так старательно прячет.

— Это не поможет, — мягко говорю я. — Тем более я даже не удивлюсь, если после этого у него хватит ума заявить на тебя за хулиганство. Поверь, судя по всему, он и глазом не моргнет написать заявление на собственного сына.

— И что ты тогда предлагаешь? — его голос звучит почти

вызовом. — Не говори, что у тебя все еще нет мыслей по этому поводу. Я же вижу, как изменился твой взгляд.

Я делаю глубокий вдох. Воздух заполняет легкие, и вместе с ним приходит странное спокойствие.

— Для начала я хочу поставить точку. Законную, чтобы у него не было никаких прав как-то влиять на вас и на меня.

— Хочешь сказать, что...

— Я подам на развод. Поплакали, пожалели себя, пора и приниматься за дело. На одной жалости далеко не уедешь, в конце концов.

Глаза Саши вспыхивают.

— Ура! Вот это я понимаю. Вот это настрой! — он бьёт кулаком в ладонь с такой силой, что звук эхом разносится по салону. — Вообще ни капли жалости. Пусть катится куда хочет!

Его энтузиазм заразителен. Я чувствую, как что-то тёплое разливается в груди, прогоняя ледяное оцепенение. Впервые за эти недели я чувствую не боль, а решимость.

Мы подъезжаем к детскому саду как раз к моменту, когда дети выбегают на улицу. Кира появляется в дверях первой. Её волосы растрепаны, а щёки розовые от возни с другими детьми. Она замечает нас и тут же бежит в нашу сторону, но вдруг...

Её шаг замедляется. Глаза скользят в сторону, где другой отец подхватывает свою дочь на руки, кружит её в воздухе под звонкий смех. Я вижу, как что-то меркнет в её глазах, как

маленькие плечики опускаются. Как она практически оставалась.

Мы с Сашей выходим из машины и идем к ней, но оказавшись рядом, она ничего не говорит об этом. Ни слова. Просто подходит и берёт меня за руку. Её пальчики такие тёплые и доверчивые.

— Привет, ты скучала? — она пытается улыбнуться, но я вижу, как ее глазки то и дело возвращаются к мужчине с дочкой, которая уже сидит на его на плечах.

— Конечно, скучала. А как же еще?

— А по мне, хочешь сказать, не скучала? — спрашивает Саша и тут же подхватывает ее на руки, закидывая себе на шею. Я вижу, как он морщится, когда она цепляется своими джинсами за его раздраженную от аллергии кожу. Вижу, как он морщится от дискомфорта, но даже не думает ее отпустить.

— Саша! — смеется Кира, оживая на глазах. Он крутится, заставляя ее хвататься все крепче. — Я упаду!

— А ты держись! — выкрикивает он, подпрыгивая и сильнее раскручиваясь с ней на плечах. Кира смеется, напрочь забывая о других. О том мужчине с дочкой. Обо всех своих печалях.

— Мама, догоняй! — кричит она, и я замечаю, как далеко они успели уйти, пока я расписывалась в журнале.

— Спасибо, — быстро говорю воспитателю и тут же бегу за детьми. — Я догоняю! — выкрикиваю и Саша ускоряется,

заставляя Киру смеяться еще громче.

Дома Саша первым делом идет на кухню и принимается за своё знаменитое “слишком сладкое” какао. Я наблюдаю, как он старательно размешивает шоколад в молоке, как его брови сдвигаются в сосредоточенной гримасе. Кира сидит за столом, её язык высунут от усердия, пока она рисует что-то яркими фломастерами.

Я стою в дверях и вдруг осознаю, что это будет долгий путь. Сложный. Болезненный. Но я не сверну с него.

Мои дети заслуживают большего, чем отец, который предал их без раздумий. Они заслуживают любви, которая не требует условий, хороших оценок или послушания. Они заслуживают защиты, которая не знает компромиссов.

Особенно Саша. Мой мальчик, который так старается быть сильным. Который уже взял на себя столько, что не по плечу многим взрослым.

Раньше я молчала, когда Максим вел себя с ними отстраненно, считая себя слабой. Думала, что терпение и молчание — это добродетель. Но сейчас я понимаю, что иногда молчание — это предательство.

И если мне придётся стать горой, чтобы защитить своих детей, то я стану этой горой. Если нужно будет превратиться в бурю, то я стану этой бурей.

Саша поворачивается, протягивая мне кружку. Наши взгляды встречаются, и в его глазах я вижу то же понимание. Мы больше не жертвы. Мы — семья. И этого достаточно,

чтобы начать всё сначала.

Глава 17

Кристина

В горле назойливо скребет. Там словно застрял ком, от которого я никак не могу отделаться еще с возвращения из детского сада Киры. Сегодня важный день. Пальцы дрожат, когда я собираю документы в папку. Бумаги шелестят, будто смеются надо мной.

“Смотрите, без минуты разведенка, а собралась бороться!”

В спешке задеваю вазу. Хрустальный подарок на десятую годовщину свадьбы. Она падает с глухим стуком, катясь по полу, но чудесным образом остается целой. Как и наш брак все эти годы. Казалось бы, целый, но на самом деле давно пустой.

Из комнаты вываливается Саша, потирая сонные глаза. Его волосы торчат в разные стороны, а на щеке остался забавный след от подушки. В обычное время я бы рассмеялась, но сейчас не до смеха.

— Мам, ты чего вскочила, как ошпаренная? — хрипит он, зевая во весь рот.

— Прости, я тебя разбудила? — мой голос звучит неестественно бодро.

— Да нет..., — он морщится, пытаясь стряхнуть сон. — Ты куда-то собралась?

— На встречу с адвокатом.

Эффект как от ушата ледяной воды. Его глаза мгновенно проясняются, тело напрягается. Взгляд становится четким. От недавнего сна не остается ни следа.

— Чего?! А Кира? Мне с ней посидеть? Может, пока нам съездить к бабушке или...

— Не волнуйся, я уже отвезла ее в садик.

— погоди, я тогда с тобой. Сейчас быстро оденусь и поедем вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.